

объятиях ли нсги и любострастия? — Не объятый ли пламенем гордости, любоначала, насилия? — Не зарытый ли в скверноприбыточничестве, зависти, зловождедении, вражде и раздоре со всеми даже и теми, кои одинаково с ним чувствует и к одному и тому же устремляются? — или не погрязший ли в тину лени, обжорства и пьянства?» (Заметим попутно, что Радищев предпочитал писать «пьяница» (Печ., 46), «пьянствовать» (Печ., 223), «пьяницы» (234) и т. п.). После данного «краткого» перечня типов следуют развернутые характеристики тех же четырех «порочных» (вертопраха-щеголя, гордеца-наильника, корыстолюбца-скупца, ленивца-обжоры), — «ибо пятого сложения толь же отдельно редко найдем», зато «смесь сих четырех везде видна» (Соч., I, 216—217).

В этих зарисовках Д. Д. Благой совершенно справедливо увидел «старых знакомцев»: это «традиционные персонажи сатирической литературы XVIII века, от сатир Кантемира до сатиры Новикова и Крылова», — но в персонажах, воспроизведенных в «Беседе», исследователь каким-то образом обнаружил «прямые политические обличения крепостничества и самодержавия».²⁴ Согласившись в этом с Д. Д. Благом, П. Н. Берков пошел еще дальше: в характеристике гордеца-наильника он усмотрел ни больше ни меньше, как «портрет Екатерины».²⁵ Не вдаваясь в полемику по данному поводу (хотя опровергнуть это утверждение достаточно легко), зададимся вопросом: в какой степени сам подобный прием свойствен Радищеву?

Действительно, сатирическая галерея «порочных», в коей каждый персонаж является воплощением определенного порока, — один из самых распространенных приемов литературы русского классицизма, ведущий свою родословную от двух галерей «невежд» в «Сатире первой» Кантемира через сатирические журналы Новикова и «Сатиру I» Капниста к произведениям Крылова и журналам Страхова.

У Радищева этот прием встречается лишь один раз — в «Отрывке путешествия в *** И*** Т***», в начале второй части его, да и то в редуцированном виде, без развернутых характеристик «порочных». Впрочем, как известно, существует гипотеза, что окончание «Отрывка» было приписано к радищевскому тексту Новиковым.²⁶ Однако, на мой взгляд, не было бы ничего удивительного и в том, если бы концовка «Отрывка» принадлежала самому Радищеву. Ведь это произведение — первое оригинальное сочинение молодого

²⁴ Благой Д. Д. Александр Радищев: 1749—1949. М., 1949. С. 25.

²⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 371.

²⁶ Это предположение подробно обосновано П. Н. Берковым в кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 562—563.